

Алексей БОРОДИН:

Я ЗА СВЕЖИЙ ВЕТЕР В ТЕАТРЕ

ду очень хороших актёров. Надо видеть, как болеет Бородин за своих «выкорышей», как бывает рад не только (и не столько) своим режиссерским удачам, сколько успехам коллег, особенно молодых.

Режиссерскую «лиру» Бородина невозможно уложить в какие-то привычные рамки и клише. Он – не из тех, кто пытается стёбом, приколами, «обнаженной натурой» и ненормативной лексикой эпатировать неискушенного зрителя. Но ему, постоянно варящемуся в молодежной среде, никогда не был чужд эксперимент. Трагедию Расина он ставил на знаменитой лестнице в фойе своего театра. А средневековый флорентийский замок вместе с коллегой и другом – художником Станиславом Бенедиктовым – «соорудил» меж кресел на балконе зрительного зала, в то время как зрители сидели на сцене. Сравнительно недавно он поставил настоя-

щий детектив-боевик по известному роману Б. Акунина «Азазель». И, казалось бы, мало поддающееся театральному воплощению произведение заиграло какими-то новыми гранями, дав сто очков вперед известному фильму. Недавней новой работой Алексея Владимировича стал чеховский «Вишневый сад». Кто-то может сказать: ну, сколько можно городить этих садов, подстреливать чаек, не надоело ли? Но лишь сам художник может ответить, почему в его душе рождается тот или иной замысел, почему он просто не может не поставить сегодня именно эту пьесу... Тончайший и трепетнейший «Вишневый сад» А. Бородина – Ст. Бенедиктова занял свое достойное место в истории российских постановок этой пьесы. А нынешней осенью спектакль был приглашен в Китай. С этого и началась наша беседа с Алексеем БОРОДИНЫМ.

– Алексей Владимирович, позвольте нашу традиционную встречу в начале сезона начать не традиционно – с Китайской народной республики, откуда вы недавно прибыли.

– В конце прошлого сезона мы получили приглашение для участия в фестивале, который называется «Чехов навсегда». Он проводился в Китае в связи со 100-летием со дня смерти Антона Павловича. У нас эта дата тоже отмечалась, но я не помню ни одного фестиваля, посвященного ей. Нас пригласили со спектаклем «Вишневый сад»: они о нем услышали, потом посмотрели кассету. Фестиваль проводило их министерство культуры. Все это происходило в Пекинском «Народном театре» – огромном дворце, который был построен 50 лет назад. На его открытии тогда танцевала Галина Уланова. Несколько спектаклей приехали из других стран: из Канады, Израиля и т.д. Нам удалось увидеть китайского «Платонова». Мы сыграли два раза,

после первого спектакля была научная конференция, на которой речь шла и о Чехове вообще, и о нашем спектакле, в частности. Они к нашему «Вишневному саду» отнеслись хорошо.

– По-моему, Вы скромничаете. Я слышал, что отношение было не просто хорошим, а восторженным.

– Пожалуй... У них принято после спектакля несколько секунд вежливо похлопать. А тут была настоящая овация, и весь зрительный зал даже встал.

– Спектакль «Вишневый сад» – камерный, в РАМТе он идет на небольшом сценическом пространстве, а в Пекине, по Вашим же словам, пришлось играть в огромном дворце?

– Да, но для гастролей мы с художником Станиславом Бенедиктовым решили придумать особый вариант. И даже сыграли его перед поездкой на нашей большой сцене. Мы его теперь бу-

Продолжение стр. 2.

Театр. дело. - 2004 - № 5 (окт.) - с 1-2